

УДК 821.112:396
doi 10.17072/2073-6681-2026-1-104-114
<https://elibrary.ru/shztcn>

EDN SHZTCM

«Дети мои» Г. Яхиной: индивидуально-этническая афазия и сопротивление

Статья выполнена при поддержке Государственного фонда по обучению за рубежом КНР

Ли Цянь

аспирант кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7-9. st120892@student.spbu.ru

SPIN-код: 5786-1342

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4799-2094>

ResearcherID: JJD-7483-2023

Статья поступила в редакцию 05.10.2025

Одобрена после рецензирования 09.02.2025

Принята к публикации 16.02.2026

Информация для цитирования

Ли Цянь. «Дети мои» Г. Яхиной: индивидуально-этническая афазия и сопротивление // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 1. С. 104–114. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-104-114. EDN SHZTCM

Аннотация. В настоящей статье осуществляется комплексное исследование художественной репрезентации индивидуальных и этнических переживаний поволжских немцев в 1920–1930-е гг. в романе «Дети мои» Гузель Яхиной. В рамках данного анализа рассматриваются стремление немецких индивидов к созданию собственной «гетеротопии» и влияние исторических событий первой половины XX в., таких как войны, голод, изгнание и др., на формирование как персональной, так и коллективной идентичности колонии Гнаденталя. Эти процессы анализируются через призму образа главного героя романа Баха Якоба – своеобразной личности, существующей в двух (реальном и сказочном) пространствах. Психологическая травма героя выражается в соматических симптомах, в частности, потере способности к речи, что можно интерпретировать как символическое представление утраты голоса немецкого этноса под воздействием острого социального и политического давления. Афазия, вызванная суровой реальностью, проявляется не только на личном уровне, но и на групповом. Несмотря на все тяготы своего существования, персонаж проходит путь к обретению уверенности и смелости. Одновременно с этим целая немецкая община обнаруживает упорство и осторожность в защите своих национальных культурных корней, используя в этом контексте традиционные сказки и другие культурные формы. Итак, в романе российско-немецкие индивиды и этнос сохраняют свои «следы» в истории, проявляя свою этническую идентичность, оставляя вечную память о своем существовании.

Ключевые слова: «Дети мои»; немецкий этнос; двойная идентичность; культурная травма; афазия и голос; сказочный мотив.

Введение

Роман Гузель Яхиной «Дети мои» репрезентирует трагическую судьбу немецкого деревенского учителя Якоба Баха и проблему существо-

вания немецкой диаспоры в центрально-поволжском регионе в период 1918–1940 гг. Раскрывая темы «места человека в истории, отношений отцов и детей» [Реальное время 2018],

художественный текст акцентирует вопросы исторического бытия индивида и межпоколенческой динамики. Прозаик с современных позиций осмысляет положение российских немцев в обозначенный исторический период. Подобное осмысление предполагает, что «выживание и развитие этнической общности требует не только следования культурным традициям, но и преодоления устаревших социальных практик, а также рефлексии исторического опыта для интеграции в современное общество» [Син Ин 2003: 83]. Целью статьи является анализ художественных механизмов репрезентации процесса преодоления афазии и реконструкции исторической памяти на уровне как индивидуального героя (Якоб Бах), так и этнической группы (поволжские немцы) в рамках романного нарратива.

В настоящее время изучение важной для смысловой структуры романа этнической проблематики находится на начальной стадии. В предыдущих исследованиях немецкая и советская идентичность рассмотрена в основном сквозь призму языка [Крюкова, Хромова 2021; Васильева 2023]. Акцент также делается на фольклорно-мифологической поэтике прозы [Щукина 2020; Багратион-Мухранели 2019; Шафранская 2019; Богданова 2024], образе Волги [Жулькова 2023; Лю Цици 2021], художественной реальности [Бакалов, Бакалова 2020], хронотопе [Нестерова 2019], поэтике романа [Павлова 2021, 2018; Жулькова 2022; Чэнь Фан 2021; Ху Ин 2021; Дуан Сяоман 2023] и т. д.

Итак, актуальность и новизна статьи обусловлены необходимостью углубленного изучения художественных моделей идентичности малых этнических групп в условиях советского социума, исторический опыт которых долгое время оставался периферийным в научном дискурсе. Подобный анализ способствует формированию более полифоничной и аутентичной версии истории СССР первой половины XX в., в которой немецкое население выступает значимым историческим актором.

Выявлено, что существует дефицит исследований поставленной в данной работе проблематики репрезентации индивидуально-этнической афазии и сопротивления в романе «Дети мои». На основе историко-литературного подхода проанализированы три взаимосвязанные части: переезд на чужбину ради утопического проекта; разбитые мечты под воздействием исторической травмы; стратегии преодоления коллективной амнезии и реконструкции субъектности. Практическая значимость статьи определяется возможностью использования ее результатов в образовательных курсах по современной русской литературе и истории диаспор.

Мечта: переезд на чужбину

В исследуемом романе нарративное отступление от основной событийной линии выполняет функцию исторического экскурса, реконструирующего генезис немецких колоний в Поволжье. В середине XVIII в., следуя призыву Екатерины II, немки по происхождению, социально уязвимые группы прусского населения, возглавляемые немногочисленными низкоранговыми безземельными дворянами, предприняли миграцию на территории стремительно расширявшейся Российской империи. Мотивацией к переселению служили ожидания экономического процветания и устойчивого благополучия, что позволило колонистам преодолеть тяготы пути протяженностью свыше 2000 километров и адаптироваться к экстремальным климатическим условиям. В результате приблизительно половине мигрантов удалось достигнуть указанных регионов, основать собственный анклав на малоплодородных левобережных степных территориях Волги и привлечь вторую волну иммиграции. Императрица ласково именовала соотечественников-колонистов «моими детьми» и создала в 1764–1773 гг. 105 поволжских поселений, заложивших основы формирования и последующего развития немецкого этноса в регионе.

Художественная репрезентация мотивации к переезду на чужбину не ограничивается историческим прошлым, но проецируется и на современное поколение персонажей. Яркими примерами данной трансформации выступают образы Якоба и Клары, чьи судьбы иллюстрируют актуальность поиска «обетованной земли» в новой историко-социальной реальности.

Действие романа «Дети мои» начинается с описания немецкого поселения Гнаденталь (нем. *Gnadental* – благодатная долина) в начале XX столетия. Художественное изображение акцентирует детерминированность организации быта поселенцев принципами покровительства и защиты «веры от посягательства», провозглашенными в императорском манифесте Екатерины II. Читателям представляется картина идиллии: потомственное немецкое население сохраняет унаследованные обычаи, культуру и религиозную веру, актуализируя две базовые этнические характеристики предков – простоту и трудолюбие. Архетипическим воплощением данных добродетелей выступает протагонист Якоб Бах. Будучи единственным педагогом в поселении и обладая, по авторскому определению, «внешностью – столь непримечательной, что и сказать о ней было решительно нечего» [Яхина 2022: 14]¹, герой играет полифункциональную роль: помимо преподавания детям немецкого и русского языков, чтения и арифме-

тики, он осуществляет символически значимую функцию звонаря. Регулярный колокольный звон, структурирующий временную организацию сообщества, выступает метафорой поддерживаемого социального порядка и гармонизации колониального быта.

Тем не менее ключевой эпизод романа репрезентирует экзистенциальный конфликт Баха. В рамках размеренного существования Якоб обнаруживает девиантную поведенческую модель: патологическое влечение к погружению в стихию грозы (24), что показывает его желание «к новой энергии и стремление вырваться из кокона маленького мира Гнаденталя, где он застывает последние 32 г. своей жизни и живет как мышка» [Телеканал Культура 2019].

Герой живет между людьми, но сохраняет одиночество. С диахронической точки зрения крестьяне Гнаденталя утрачивают целостность немецкого культурного кода. Лишь Бах владеет высоким стилем немецкого языка, остальные говорят на региолектах, подвергшись интенсивной интерференции со стороны русского языка. Младшее поколение демонстрирует культурную алогию, проявляя индифферентность к немецкой поэтической классике (Гейне, Шиллер, Новалис), фрагменты которой, по авторской иронии, «лились на юные лохматые головы щедро, как вода в банный день» (19). На синхроническом уровне географическая периферийность колонии детерминирует информационную изоляцию от центра страны. Таким образом, немецкий анклав начала XX в. занимает пограничное положение в культурно-цивилизационном пространстве, будучи дистанцированным как от «нового отца» России, так и от культурной «старой матери» Германии.

Нарратив, при внешнем доминировании бытийного реализма, инкорпорирует элементы мифопоэтики и авантюрного сюжета. В экспозиции акцентируется бинарная оппозиция пространств, разделенных Волгой: «Левый берег был низкий и желтый, стелился плоско, переходил в степь <...> Какова была земля другого берега, не знал никто» (13). В ходе сюжетного развития Бах неожиданно совершает трансгрессию в сакрализованый топос правобережья – хутор дворянина Гримма. Данный локус, характеризующийся архаичным укладом и видимым гедонизмом обитателей (Гримм, его дочь Клара и прислуга), репрезентируется в сознании Баха как мифологизированный «эдем». Любопытство и интерес Клары к знаниям приносят ему чувство удовлетворения и значимости. Последующая ритуализация посещений хутора и формирование аффективной привязанности к Кларе маркируют радикальный сдвиг в экзистенциальной траектории.

В противоположность Баху хутор Гримма функционирует как «клетка» для семнадцатилетней Клары, изолированной отцом от социума. Характеризуемая нарратором как «запуганная строгим отцом... (выросшая – Л. Ц.) существом робким» (54) и, «при всей нежности ее голоса и деликатности в общении, (бывшая – Л. Ц.) невежественна, как африканская дикарка» (53), героиня воплощает последствия патриархального контроля. Институциональная цель приглашения Баха в качестве гувернера сводится к инструментализации образования для последующего матримонимального транзита Клары. Старуха Тильда представляет собой не столько няню героини, сколько ее надзирателя, что актуализируется в ее категорическом запрете Баху на убиение ширмы, через которую проводятся занятия. Контраст между описаниями шумной и свободной жизни Гнаденталя и климатом хутора подчеркивает закрытость последней, провоцируя у Клары когнитивный диссонанс и желание находиться в сообществе. Парадоксальным образом замкнутость пространства обеспечивает его безопасность и покровительство. Архаичные фольклорные нарративы, транслируемые Тильдой, – «привезенные с германской родины еще во времена Екатерины Великой и... прилежно передаваемые из уст в уста» (60) – консервируют элементы исконной традиции. Такая культурная среда для Баха является идеальной, способствующей тому, чтобы «обретать былую свежесть и бодрость» (19) и найти основания самоидентификации.

Фуко называет такие разные, своего рода одновременно и мифическое, и реальное пространства, гетеротопией [Фуко 2006: 197]. В него не все могут входить: за более чем 100 лет никто из предков гнадентальцев не ступал на правый берег. А Бах, несомненно, проходит процесс адаптации, когда он первый раз оказывается в этом пространстве и чувствует чужое и странное. Зато благодаря несомому им коду фольклора, детерминирующему его символическую инкорпориацию, герой способен понять и принять сдержанный уклад и традиционные ценности этой гетеротопии, в этом случае «правый берег принял чужака» (57).

Более того, в то время как гетеротопия хутора Гримма реализует пространственную изоляцию, она и специфически организует время, что Фуко определяет как гетерохронию: «Гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [там же: 200]. Эмблематическим свидетельством этого темпорального разрыва выступает эпизод остановки часов Баха – механизм «впервые стоит, со дня покупки» (48), что нарратологически означа-

ет вступление в иную временную парадигму. Яхина акцентирует амбивалентность восприятия времени на противоположных берегах Волги: циклическое, природно-детерминированное время правобережного гетеротопического «эдема» контрастирует с линейным, социально структурированным временем левобережного Гнаденталя, символизируя фундаментальное расхождение между мифопоэтическим и социальным хронотопами.

Длительная физическая изоляция Клары в гетеротопическом пространстве и рассказ Баха о сегодняшней немецкой деревне провоцируют кризис древней модели дворянского патриархата. Стремление к интеграции в этническую общность Гнаденталя оказывается сильнее усвоенной покорности воле отца, планирующего вернуться в Германию и утилитарно распорядиться судьбой своей дочери, выдав ее замуж. Бегство Клары в «чужое» для нее пространство колонии репрезентирует трансформацию импульса переезда: подобно предкам, преодолевавшим препятствия в поисках материального благополучия на Востоке, ее движение носит «неудержимый характер», но направлено к самореализации. Повторяется (в какой-то степени) историческое прошлое: если первоначальная колонизация мотивировалась экономическим фактором, то современные потомки (репрезентированные Klarой) движимы потребностью в духовной автономии и экзистенциальной свободе. Эта трансформированная движущая сила побуждает российских немцев к преодолению неизвестности, конституируя новый этап этнического самосознания.

Мечты разбиты из-за жестокой реальности

Крушение интеграционных устремлений Клары обусловлено традиционной этикой общины Гнаденталя: неприятие особой неизвестного происхождения и репрезентация добрачного сожительства с Бахом как девиации провоцируют социальную эксклюзию. Отчуждение и моральные упрёки вызывают у Клары самоизоляцию в школьном здании – вторичной гетеротопии, где Бах, по нарративной оценке, функционально трансформируется в «тюремщика», «радуясь ее заточению – так она принадлежит только ему» (80).

Культурно-исторический диссонанс между архаичным немецким укладом Клары (XVIII в.) и советско-немецкой идентичностью гнадентальцев (XX в.) объективирует ее инаковость. Когда индивид находится в гетерогенном культурном поле, под его влиянием он осознает свою «иную» идентичность как чужого. Вынужденная оторванность от общего корня этноса генерирует антропологическую тревогу – травму прерван-

ной самоидентификации. Данный акт завершается вытеснением пары в изолированный хронотоп хутора Гримма, демонстрируя дисциплинарную модель наказания за «отклонение от нормы» [Фуко 1999: 446]. Это и находит вербализацию в стигматизации Баха как «безнравственного шульмейстера, столько лет вводившего добрых гнадентальцев в заблуждение своим простодушием» (79).

В то же время исторический макроконтекст (1918–1922 гг.) осуществляет тотальное уничтожение мечты немецкой диаспоры безмятежно жить, обитатели Гнаденталя становятся жертвами масштабных потрясений.

Военные действия Волжско-Каспийской флотилии, продразверстка, коллективизация и голод аннигилируют социокультурный космос колонии. Изображение россыпи людских и конских тел «отражает жизнь конкретных этносов», транслирует «судьбу реальных исторических личностей в контексте революционного катаклизма» [Чэнь Фан 2021: 88]. Домашний очаг поволжских немцев разрушается, а деконструкция социальной ткани проявляется в исчезновении традиционной системы ценностей, эрозии духовных практик и стирании историей следов сообщества. Хронология Баха фиксирует апокалипсическую последовательность «1921 Год Голодных», «1928 Год Спрятанного Хлеба» и т. п., он становится на правобережье свидетелем того, как соотечественники лишаются сытости и тепла в ходе коллективизации, хороня своими руками тощих и заболевших цингой российско-немецких детей.

Между тем международно-политическая обстановка актуализирует травматический дискурс идентичности российских немцев как проблемного узла советской национальной политики. Автор романа изображает данную коллизию через четыре символических эпизода с участием И. В. Сталина, эксплицирующих специфику и неловкость идентичности немецкой колонии в системе международных отношений.

· В 1924 г. конфиденциальный визит Сталина к больному Ленину для обсуждения «немецкого вопроса» в Поволжье подчеркивает стратегическую чувствительность темы на высшем уровне власти.

· 1927 г. глава государства в Покровске, столице Немецкой автономии, ощутил чуждость экзотической культуры. Авторская семиотика имен, отсылающих к таким великим деятелям Германии, как композиторы Бах, Гендель, Вагнер и сказочники братья Гримм, усиливает эту инаковость. При таком положении случай с уничтожением первых советских тракторов, разработанных и произведенных в автономии, интер-

претируется в художественном тексте как акт символического отрицания интегративного потенциала этноса, «подчеркивая мысль о не востребованном в России начала XX в. потенциале российских немцев» [Иванова 2019: 65].

• В первой половине 1930-х гг. метафора «бильярдной игры» Сталина и Гитлера репрезентирует инструментализацию поволжских немцев в качестве геополитического ресурса давления.

• Во время Большого террора 1937–1938 гг. под лозунгом «ликвидации шпионско-диверсионную базу стран» (460) в колонии была проведена массовая репрессия против российских немцев. Наблюдается феномен двойной стигматизации этноса: советское руководство конструирует образ «пятой колонны», германское – «тройянского коня».

Гипертрофированная «чуждость» поволжских немцев в дискурсах обеих держав легитимирует их биополитическую уязвимость. Глобальные геополитические противоречия материализуются в локальной катастрофе Гнаденталя, отражая перенос макроконфликтов на микроуровень этнического сообщества.

Правобережное пространство, мифологизированное как хронотопический вакуум, подвергается последовательному нарушению под воздействием исторических событий. Художественный мир конституируется диалектикой реального и фиктивного, где гетеротопия «райского сада» претерпевает три этапа вторжения. Гражданская война самой первой приносит ломающий момент. Возвращающаяся в гетеротопию Клара становится жертвой сексуальной агрессии, что приводит к незапланированной беременности и послеродовой смерти. Данная травма инициирует развитие афазии у Баха как психосоматического ответа на утрату. Вторая фаза дестабилизации реализуется через культурную инфильтрацию – фигура бродяги Васьки привносит синкретичные культурные коды, провоцируя у Баха тревогу о возможном уходе дочери Анче вследствие ее любопытства к внешнему миру. Кульминационное разрушение гетеротопии осуществляется государственной интервенцией: изъятие детей комитетом по ликбезу окончательно отнимает надежду от Баха и разрушает темпоральную автономию пространства.

Очевидно, хутор Гримма не обходят стороной деструктивные веяния, его сказочная краска исчезает в контексте 1920–1930 гг. Конвергенция береговых пространств через общность травматического опыта символизирует крах этнической утопии поволжских немцев, персонализированный в крахе романтической грезы Баха. Его полная немота, являющаяся следствием тяжелой психотравмы, выступает как символ потери го-

лоса российских немцев на международной арене. Пространство Поволжья в целом трансформируется в гетеротопию всей немецкой национальности – зону наблюдаемой инаковости, где жизненный мир этнического меньшинства кристаллизуется между статусами резервации и музея исчезающей идентичности.

Мечта о сохранении культурного наследия близка к разрушению под воздействием неумолимого хода истории. Главный герой берется за перо реконструировать фольклор, поначалу, конечно, с прагматичной целью – зарабатывать молоко для небологической дочери Анче. К удивлению, данный процесс укрепляет латентную идентичность, подтверждая тезис рассказчика: «Сказки и легенды – это фундамент души, что закладывается в глубоком детстве, на чем вся суть человеческая держится» (195). Писательница создает творческого героя не только для того, чтобы иллюстрировать «молчащее поколение», к которому принадлежит ее дедушка, но и трактует советский миф через метатекстуальные финалы сказок героя.

Бытовой и социально-исторический хронотоп являются зеркалом пространственно-временной характеристики сказки: реальность запечатлена в архетипических структурах сказки, а архетипы актуализируются в поле социального взаимодействия [Нестерова 2019: 584]. В произведении происходит онтологическая инверсия: сказки, написанные Бахом в состоянии творческого энтузиазма, превращаются в кошмары, обретающие статус эмпирической реальности. Фигурирующие в работах Баха зло, беды и несчастья воспроизводятся в действительности, учреждая единство вымышленных и актуальных катастроф. Идеал шульмейстера о прекращении плачевной судьбы окружающих посредством реконструкции народной культуры не сбывается, в этом плане культурное наследие заходит в тупик. Данная художественная стратегия эксплицирует авторскую философию о непреодолимости трагического в человеческом измерении, где оптимистический пафос массового сознания не в силах изменить трагическую сущность человеческого бытия. Кульминацией историко-социального распада становится депортация жителей Гнаденталя в Казахстан, сопровождаемая тотальной деструкцией социокультурной инфраструктуры; как отмечает Г. Г. Вормсбехер, «общности-организмы оторваны от родной почвы, раскрошены до семей, до отдельных индивидов» [Вормсбехер 2011: 537].

«Дети» Екатерины II и их этническое сообщество претерпевают катастрофу, а главный герой романа не может восстановить связь с детьми. Важным аспектом этого кризиса преемственно-

сти выступает провал проекта учреждения для следующего поколения («детского дома Третьего Интернационала»). В связи с этим возникает вопрос о том, какое направление должны выбрать «дети мои» для дальнейшего продвижения. Может ли этническая группа не только выживать, но и сохранять культурно-духовное ядро; может ли русская Волга относиться к растущему на ее земле немецкому сообществу как мать, защищающая своих детей; может ли элегия российских немцев играть ноту надежды?

Прорыв афазии для воссоздания себя

Роман актуализирует исторический опыт поволжских немцев, представляющий собой «длительно маргинализированный пласт исторической памяти, художественная реконструкция которого составляет одну из интенций автора» [Ху Ин 2021]. Разнообразные формы слома мечты и вынужденная афазия, представленные в тексте, порождают необходимость выработки стратегий восстановления идентичности как на индивидуальном (Якоб Бах), так и на коллективном (этническая община) уровне.

В «Детях моих» показано, как советский дискурс активно внедряется в повседневность немецкой автономии в период социалистического строительства, что визуализировано, в частности, через размещение в поселении портретов К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Либкнехта и Р. Люксембург. Эти фигуры «представлены идеологически правильными, с точки зрения новых властей, немцами, что знаменует сосуществование немецкой и советской идентичности» [Крюкова, Хромова 2021: 239]. Параллельно внешнему идеологическому давлению, у фольксдойче наблюдается эндогенный процесс сопротивления афазии по идентификации: осознавая многовековую культурную дивергенцию от рейхсдойче, они конструируют собственную идентичность как неотъемлемую часть волжского ландшафта. Экономико-технологический вклад гнадентальцев в модернизацию государства выступает ключевым фактором легитимации статуса данной автономии. Ярким примером является тот эпизод, где машина «Карлик» становится первым советским трактором, разработанным и выпущенным в изображаемой Немецкой республике. Поволжье превращается в главную промышленную и сельскохозяйственную базу Советского Союза. Думается, посредством образцового труда поволжские немцы осуществляют дискурсивный акт саморепрезентации, преодолевая навязанное молчание и крича времени своим собственным голосом.

Как отмечает В. Розин, «любовь к людям и Волге прошивает художественную форму рома-

на, проявляясь одновременно в художественно-образной и духовно-человеческой плоскостях <...> именно с ее помощью судьба народа была спасена от смятения и хаоса» [Розин 2018: 86]. Роман демонстрирует эффективную трансляцию архаичных культурных кодов старшим поколением поволжских немцев. Функция Якоба Баха как медиатора памяти реализуется через сказочный дискурс: «Бах не писал – строил» (180), конструируя символический мост между прошлым и настоящим. Примечательна нарративная стратегия, при которой его сказки обретают перформативную силу: описания агрономического изобилия материализуются в колхозе Гнадендаль, например, под пером героя бобовый росток растет до неба, а в деревне огороды распирают от буйства зелени (248–249). Найденный бедняками клад драгоценных камней в какой-то степени означает присвоение духовного убежища трагичным Бахом. Такой феномен иллюстрирует «фундаментальную роль мифо-фольклорного материала в реализации авторского замысла, где синтез реалистического, мифологического и магического начал формирует повышенную метафорическую плотность текста» [Лю Цици 2021: 62]. Преодоление протагонистом страха маркирует завершение личностной трансформации, позволяя ему сыграть ноту надежды российских немцев.

В то же время фигура секретаря Гофмана воплощает иную стратегию: «Гофман не писал – строил» (234), аккультурируя немецкое наследие к советской реальности. Его ревизия канонических сказочных финалов сказок Баха, осуществляемая «неуклюжим почерком», направлена на гармонизацию жизни колонии с государственной доктриной через акцентирование коллективного труда и солидарности. Этот процесс, как указывает Н. И. Павлова, обеспечивает «включение материалов немецких народных сказок в исторический контекст 1920–1930-х годов, (что – Л. Ц.) позволяет установить взаимосвязь между неомифологизмом и неореализмом в поэтике произведений Г. Яхиной» [Павлова 2018: 55]. Совместные усилия Баха и Гофмана кристаллизуются в «Нашем новом фольклоре» (237), который, будучи интересным и востребованным как взрослыми, так и детьми Гнадендаля, ревитализирует национальную память. Представляется, у этнической общности адаптивный ресурс актуализируется в условиях социальных трансформаций и исторических катаклизмов.

Писательница «досконально знакомится с немецкими сказками братьев Grimm, при этом дает им свою интерпретацию, а авторство “переводит” главному герою романа» [Шпак 2023: 103]. Реконструированные Бахом сказки форми-

руют метатекстуальный уровень («книга в книге»), посредством которого персонаж и этническая группа реализуют акт культурной ретрансляции. Романтический сюжет Баха и Клары репрезентирует модификацию немецкой сказки «братьев Grimm “Детские и домашние сказки” номер 198 под названием “Дева Малейн” или “Девушка Малейн”» [Щукина 2020: 70], где центральными мотивами выступают заключение героини отцом и последующий союз с бедным и уединенным деревенским учителем, даже после побега они вступают в счастливую жизнь.

Тем не менее Яхина избегает идеализации трагической жизни немецких индивидов и этноса. Насильственное разлучение и гибель Клары дезавуируют сказочный канон благополучного финала. Переживание Баха, становящееся сюжетообразующим элементом, находит продолжение в написанной самим героем сказке «Сказании о Деве-Узнице»: нарратив о единоличном воспитании дочери и усыновлении мальчика конституирует альтернативную модель семейности в условиях травмы.

Между тем любовь в риторике писательницы выступает как один из механизмов устранения гетеротопии и укрепления самоидентификации. Трансгенерационный эффект любви Баха проявляется в судьбе Анче: избежав участи матери (духовной изоляции на хуторе Гримма), она формируется в пространстве синтеза немецких и советских культурных парадигм. Это поколение, наделенное потенциалом свободы, осуществляет качественный скачок в преодолении этнической афазии и поднимается на новый уровень духовного развития. Важным катализатором этого процесса выступает политика ликвидации неграмотности, позволившая Анче и Ваське поставить спектакль по «Сказанию о Деве-Узнице» в детском доме. Последующая театральная рецепция этой сказки на сценах крупных театров страны компенсирует дефицит культурных репрезентаций немцев в условиях тоталитаризма. Как подчеркивает Павлова, это иллюстрирует замысел писательницы: «Репрезентация слова культуры как дарующего бессмертие» [Павлова 2021: 245], где историческое (мертвое) преодолевается через вечность живого культурного текста в контексте сопротивления афазии этноса.

Заключение

Пространство выступает ключевым нарративным и семантическим конструктом в романе «Дети мои». Сопоставительный анализ поведенческих и психологических трансформаций персонажей в различных локальных системах выявляет процесс конструирования чувства дома и этнокультурной идентичности в условиях гете-

рогенного пространства. Роман репрезентирует диалектику отношения поволжских немцев к традиционной культуре, аксиологические ориентиры в меняющемся социуме и специфику концептуализации «домашнего очага» в контексте миграционного опыта.

Преодолевая историко-культурную афазию, немецкая этническая общность сохраняет потенциал сопротивления, транслируя исходные утопические проекты и ориентиры будущего. Нарративная стратегия Яхиной заключается в репрезентации «молчащего поколения» и жизнеспособности духовного наследия, преодолевающего кризисы идентичности. Органичный синтез магических элементов и реалистической достоверности формирует эстетический механизм осмысления травмы. Принцип любви в тексте воплощает собой механизм устранения инакости и укрепления самоидентификации.

Демонстрируется, как романский дискурс функционирует в качестве инструмента реконструкции исторического опыта и коллективной идентичности групп, переживших социокультурные катаклизмы. Репрезентированный в тексте механизм преодоления культурно-пространственного диссонанса подтверждает тезис о литературе как форме сохранения и переосмысления коллективной памяти в условиях исторических вызовов.

Примечание

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

Список литературы

Багратион-Мухранели И. Л. Трансформация классического немецкого фольклора в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX-XXI вв.: кол. монография. Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 327–333.

Бакалов А. С., Бакалова З. Н. Два русских романа о «Русских» немцах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. № 73. С. 41–46.

Богданова О. А. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 5. С. 53–63. doi 10.31857/S1605788024050042

Васильева М. Ю. Языковая репрезентация этнографических реалий российских немцев (на примере романов Г. Яхиной «Дети мои» и Г. За-

вацкого "Wir selbst" / «Мы сами») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 10. С. 3478–3485.

Вормсбехер Г. Г. О национальной идентичности российских немцев: вчера, сегодня... завтра? // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII междунар. науч. конф. (Москва, 21–23 октября 2010 г.). М.: МСНК-пресс, 2011. С. 531–565.

Дуан Сяоман. Историческая судьба и человеческое существование – о историческом повествовании в романе Яхиной «Дети мои» // Журнал Чжаоянского института. 2022. № 3. С. 67–74. 段晓曼. 历史命运与人的生存——论雅辛娜《我的孩子们》的历史叙事 // 昭阳学院学报. 2022(3). P. 67–74. (Duan Xiaoman. Li shi ming yun yu ren de sheng cun – lun Ya xin na «Wo de hai zi men» de li shi xu shi // Zhao yang xue yu an xue bao. 2022(3). P. 67–74.)

Жулькова К. А. «Бывают странные сближения»: особенности поэтики романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 6 (861). С. 136–143. doi 10.52070/2542-2197_2022_6_861_136

Жулькова К. А. Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 153–159. doi 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153

Иванова Е. Р. Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 64–66. doi 10.26140/bgj3-2019-0801-0014

Крюкова О. С., Хромова Д. А. Репрезентация и конфликт немецкой и советской идентичности в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 232–241. doi 10.52070/2542-2197_2021_6_848_232

Лю Цици. Мотив Волги в романе «Дети мои» с литературно-географической точки зрения // Литературная критика. 2021. № 15. С. 61–62. 刘其琪. 文学地理学视域下小说《我的孩子们》中的伏尔加河书写 // 文学评论. 2021(15). P. 61–62. (Liu Qiqi. Wen xue di li shi yu xia xiao shuo «Wo de hai zi men» zhong de fu er jia he shu xie // Wen xue ping lun. 2021(15). P. 61–62.)

Нестерова О. А. Хронотоп сказки в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Обсерватория культуры. 2019. № 16(6). С. 584–594. doi 10.25281/2072-3156-2019-16-6-584-594

Павлова Н. И. Сказка – миф – логос в поэтике романа Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 237–247. doi 10.37816/2073-9567-2021-59-237-247

Павлова Н. И. Поэтика визуальности в романе Г. Яхиной «Дети мои»: к вопросу о феномене литературного успеха // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 52–66.

Реальное время. Я долго прожила вместе с Зулехой – мне казалось, что больше ничего не смогу написать. Гузель Яхина о своем втором романе «Дети мои», поволжских немцах и маленьком человеке. 10 мая 2018. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/98495-guzel-yahina-o-svoem-vtorom-romane-i-sovetskom-proshlom>

Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 79–87. doi 10.7256/2454-0625.2018.10.26710

Син Ин. Об особенностях магически-реалистической литературы // Журнал Аньшаньского педагогического института. 2003. № 1. С. 82–83. 荆莹. 谈魔幻现实主义文学作品的特点 // 鞍山师范学院学报. 2003(01). P. 82–83. (Xin Ying. Tan mo huan xian shi zhu yi wen xue zuo pin de te dian // An shan shi fan xue yu an xue bao. 2003(01). P. 82–83.)

Телеканал Культура. Открытая книга. Гузель Яхина. «Дети мои». 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c0zEvIi5Dwg> (дата обращения: 17.11.2023)

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Ху Ин. «Дети мои» Гузель Яхиной: выживание и вымирание личных и исторических сказок. 胡颖. 古泽尔·雅辛娜《我的孩子们》: 个人童话和历史童话的生与灭. (Hu Ying. Gu ze er ya xin na «Wo de hai zi men»: ge ren tong hua he li shi tong hua de sheng yu mie). 2021. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwOTEyODg2NA==&mid=2650169488&idx=1&sn=252f7be013eecd5ee618d99c4223882&chksm=83669e5fb411174966945a14d56ed27ec72b1a53bc2c22a42f3e8f39620291195460c2fb58d5&scene=27 (дата обращения: 26.01.2023).

Чэнь Фан. Сказочное изображение в романе Яхиной «Дети мои» // Литературная критика. 2021. № 02. С. 88–94. 陈方. 雅辛娜长篇小说《我的孩子们》中的童话书写 // 文学评论. 2021(02). P. 88–94. (Chen Fang. Ya xin

na chang pian xiao shuo «Wo de hai zi men» zhong de tong hua shu xie // Wen xue ping lun. 2021(02). P. 88–94.)

Шафранская Э. Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети Мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 101–110.

Шпак Э. Р. Идеино-художественное своеобразие сказок в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: науч. ежегодник по материалам конф. (Челябинск, 27–29 апреля 2022 г.) Вып. 6. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2023. С. 100–103.

Щукина Д. А. Фольклорно-мифологическая основа прозы Гузель Яхиной // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 67–71. doi 10.24411/1811-1629-2020-13065

Яхина Г. Ш. Дети мои: роман / под ред. Е. Шубиной. М.: АСТ, 2022. 493 с.

References

Bagrations-Muhraneli I. L. Transformatsiya klasicheskogo nemetskogo fol'klora v romane Guzel' Yakhinoy «Deti moi» [The transformation of classical German folklore in Guzel Yakhina's novel “My Children”]. *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostanstve XIX–XXI vv.* [Paradigms of Transition and Images of the Fantastical World in the Literary Space of the 19th – 21st Centuries]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, 2019, pp. 327–333. (In Russ.)

Bakalov A. S., Bakalova Z. N. Dva russkikh romana o «Russkikh» nemtsakh [Two Russian novels about “Russian” Germans]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 2020, issue 73, pp. 41–46. (In Russ.)

Bogdanova O. A. «My rozhdeny, chtob skazku sdelat' byl'yu...»: usadebnyy mir v romane G. Sh. Yakhinoy «Deti moi» [“We were born to make a fairy tale come true...”: the estate world in G. Sh. Yakhina's novel “My children”]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2024, vol. 83, issue 5, pp. 53–63. (In Russ.)

Vasil'eva M. Yu. Yazykovaya reprezentatsiya etnograficheskikh realiy rossiyskikh nemtsev (na primere romanov G. Yakhinoy «Deti moi» i G. Zavatskogo «Wir selbst»/ «My sami») [The linguistic representation of the ethnographic realities of Russian Germans (based on the novels “My Children” by G. Yakhina and “Wir selbst” / “We Ourselves”

by G. Zavatsky)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, issue 10, pp. 3478–3485. (In Russ.)

Wormsbecher H. G. O natsional'noy identichnosti rossiyskikh nemtsev: vchera, segodnya... zavtra? [On the national identity of Russian Germans: yesterday, today... tomorrow?]. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrenniy mir rossiyskikh nemtsev v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v istoricheskoy pamyati potomkov* [Civil Identity and the Inner World of Russian Germans During the Great Patriotic War and in the Historical Memory of the Descendants: Proceeding of XIII International Scientific Conference (Moscow, October 21–23, 2010)]. Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 531–565. (In Russ.)

Duan Xiaoman. Li shi ming yun yu ren de sheng cun — lun Ya xin na ‘Wo de hai zi men’ de li shi xu shi [Historical destiny and human existence: On the historical narrative in Guzel Yakhina's novel “My Children”]. *Zhao yang xue yuan xue bao* [Journal of Zhaoyang Institute], 2022, issue 3, pp. 67–74. (In Chin.)

Zhul'kova K. A. «Byvayut strannye sblizhen'ya»: osobennosti poetiki romanov «Lavr» E. Vodolazkina i «Deti moi» G. Yakhinoy [“There are strange rapprochements”: Features of the poetics of novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Children of Mine” by G. Yakhina]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022, issue 6 (861), pp. 136–143. doi 10.52070/2542-2197_2022_6_861_136. (In Russ.)

Zhul'kova K. A. Mifologema reki v romane G. Yakhinoy «Deti moi» [The mythologeme of the river in G. Yakhina's novel “Children of Mine”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2023, issue 6 (874), pp. 153–159. doi 10.52070/2542-2197_2023_6_874_153. (In Russ.)

Ivanova E. R. Leksiko-semanticheskoe pole «nemetskii» v romane G. Yakhinoy ‘Deti moi’ [The lexical-semantic field “German” in the novel “Children of Mine” by G. Yakhina]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, issue 1 (26), pp. 64–66. doi 10.26140/bgz3-2019-0801-0014. (In Russ.)

Kryukova O. S., Khromova D. A. Reprezentatsiya i konflikt nemtskoy i sovetkoy identichnosti v romane G. Yakhinoy «Deti moi» [Representation and conflict of German and Soviet identities in the novel by G. Yakhina “Children of Mine”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, issue 6 (848), pp. 232–241. doi 10.52070/2542-2197_2021_6_848_232. (In Russ.)

Liu Qiqi. Wen xue di li shi yu xia xiao shuo 'Wo de hai zi men' zhong de fu er jia he shu xie [The Volga motif in the novel "Children of Mine" from a literary and geographical point of view]. *Wen xue ping lun* [Literary Criticism], 2021, issue 15, pp. 61-62. (In Chin.)

Nesterova O. A. Khronotop skazki v romane G. Sh. Yakhinoy «Deti moi» [The chronotope of fairy tale in Guzel Yakhina's novel "My Children"]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2019, issue 16 (6), pp. 584-594. doi 10.25281/2072-3156-2019-16-6-584-594. (In Russ.)

Pavlova N. I. Skazka–mif–logos v poetike romana G. Yakhinoy «Deti moi» [Fairy tale – myth – logos in the poetics of G. Yakhina's novel "Children of Mine"]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2021, vol. 59, pp. 237-247. doi 10.37816/2073-9567-2021-59-237-247. (In Russ.)

Pavlova N. I. Poetika vizual'nosti v romane G. Yakhinoy «Deti moi»: k voprosu o fenomene literaturnogo uspekha [The function of cinematic techniques in poetics of the novel by G. Yakhina "Children of Mine": Revisiting the phenomenon of literary success]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2018, issue 3 (34), pp. 52-66. (In Russ.)

Realnoe Vremya. Ya dolgo prozhila vmeste s Zuleykhoy — mne kazalos', chto bol'she nichego ne smogu napisat'. Guzel' Yakhina o svoem vtorom romane «Deti moi», povolzhskikh nemtsakh i malen'kom cheloveke [I lived with Zuleikha for so long — I thought I would never be able to write anything else. Guzel Yakhina on her second novel "My Children," the Volga Germans, and the "little man"], 2018, 10 May. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/98495-guzel-yakhina-o-svoem-vtorom-romane-i-sovetskom-proshlom> (accessed 16 Nov 2023). (In Russ.)

Rozin V. M. Khudozhestvennaya real'nost' romana Guzel' Yakhinoy «Deti moi» [Artistic reality in Guzel Yakhina's novel "My Children"]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2018, issue 10, pp. 79-87. doi 10.7256/2454-0625.2018.10.26710. (In Russ.)

Xin Ying. Tan mo huan xian shi zhu yi wen xue zuo pin de te dian [On the characteristics of the magical realism literature]. *An shan shi fan xue yuan xue bao* [Journal of Anshan Normal University], 2003, issue 1, pp. 82-83. (In Chin.)

TV channel Culture. Otkrytaya Kniga. Guzel' Yakhina. «Deti moi». [Open Book. Guzel Yakhina. "My Children"], 2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=c0zEvLi5Dwg> (accessed 17 Nov 2023). (In Russ.)

Foucault M. Drugie prostranstva [Other Spaces]. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Transl. from French by B. M. Skuratov, ed. by V. P. Bol'shakov. Moscow, Praksis Publ., 2006, pt. 3, pp. 191-204. (In Russ.)

Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. from French by V. Naumov, ed. by I. Borisova. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)

Hu Ying. Gu ze er ya xin na 'Wo de hai zi men': ge ren tong hua he li shi tong hua de sheng yu mie ["My Children" by Guzel Yakhina: survival and extinction of personal and historical tales], 2021. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwOTEyODg2NA==&mid=2650169488&idx=1&sn=252f7be013eecd5ee618d99c4223882&chksm=83669e5fb411174966945a14d56ed27ec72b1a53bc2c22a42f3e8f39620291195460c2fb58d5&scene=27 (accessed 26 Jan 2023). (In Chin.)

Chen Fang. Ya Xin Na Chang Pian Xiao Shuo 'Wo de hai zi men' zhong de tong hua shu xie [The creation of fairy tales in Yakhina's long story "My Children"]. *Wen Xue Ping Lun* [Literary Criticism], 2021, issue 2, pp. 88-94. (In Chin.)

Shafranskaya E. F. Fol'klor kak syuzhe-toobrazuyushchiy kontsept v romane Guzeli Yakhinoy «Deti Moi» [Folklore as a plot-forming concept in Guzel Yakhina's novel "My Children"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [PALIMPSEST. A Literary Studies Journal], 2019, issue 2, pp. 101-110. (In Russ.)

Shpak E. P. Ideyno-khudozhestvennoe svoeobrazie skazok v romane Guzel' Yakhinoy «Deti moi» [The ideological and artistic originality of fairy tales in Guzel Yakhina's novel "My Children"]. *Gumanitarnye issledovaniya molodykh uchenykh Yuzhnogo Urala* [Humanities Research by Young Scientists of the South Urals: A Scientific Yearbook Based on Conference Proceedings]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 2023, issue 6, pp.100-103. (In Russ.)

Shchukina D. A. Fol'klorno-mifologicheskaya osnova prozy Guzel' Yakhinoy [Folklore and mythological basis of Guzel Yakhina's prose]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2020, issue 3, pp. 67-71. (In Russ.)

Yakhina G. Sh. *Deti moi* [My Children]. Moscow, AST Publ., 2022. 493 p. (In Russ.)

“My Children” by G. Yakhina: Individual-Ethnic Aphasia and Resistance

The study was carried out with the support from the China Scholarship Council

Li Qian

Postgraduate Student at the Department of History of Russian Literature

St. Petersburg State University

7-9, University Embankment st., St. Peterburg, 199034, Russia. st120892@student.spbu.ru

SPIN-code: 5786-1342

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4799-2094>

ResearcherID: JJD-7483-2023

Submitted 05 Oct 2025

Revised 09 Feb 2025

Accepted 16 Feb 2026

For citation

Li Qian. «Deti moi» G. Yakhinoy: individual'no-etnicheskaya afaziya i soprotivlenie ["My Children" by G. Yakhina: Individual-Ethnic Aphasia and Resistance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2026, vol. 18, issue 1, pp. 104–114. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-104-114. EDN SHZTCM (In Russ.)

Abstract. This article is a comprehensive study of how individual and ethnic experiences of the Volga Germans in the 1920s-1930s are represented in the novel *My Children* by the contemporary writer Guzel Yakhina. This analysis examines the aspiration of Russian Germans to create their own “heterotopia” and the influence of significant historical events of the first half of the 20th century – such as wars, famine, exile, etc. – on the formation of both personal and collective identity of the Gnadenenthal colony. These processes are analyzed through the prism of the image of the protagonist, Bach Jakob, existing in two (real and fairy-tale) spaces. Psychological trauma of the hero is manifested in somatic symptoms, in particular, Bach loses the ability to speak, which can be interpreted as a symbolic representation of the loss of voice by the German ethnos under the influence of heavy social and political pressure. In other words, aphasia caused by harsh reality is manifested not only at the personal level of the hero but also at the group level. Despite all the hardships of his existence, the character makes his way to the gaining of confidence and courage. At the same time, an entire community of Russian Germans shows persistence and caution in protecting their national cultural roots, using traditional fairy tales and other cultural forms. Thus, in the novel, Russian-German individuals and ethnos preserve their “traces” in history, manifesting their ethnic identity and leaving an eternal memory of their existence.

Key words: My Children; German diaspora; dual identity; cultural trauma; aphasia and voice; fairy tale motif.